

УДК ????

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

Хабибуллина Е.В.

Категория континуума художественного текста и ее осмысление – одно из направлений филологического анализа текста. Лингвистический анализ художественного текста в пространственном измерении осуществляется в двух аспектах: во-первых, сам текст рассматривается как определенным образом организованное семантическое, формально-грамматическое и графическое пространство; во-вторых, исследуются пространственно-временные отношения, характерные для моделей (картин) мира, воплощенных в художественном тексте. И.Р. Гальперин считает, что текстовая категория континуума представляет собой особое художественное осмысление времени и пространства объективной действительности и обеспечивает конкретность и реалистичность описания [2, с.87].

Категория континуума не только организует содержание текста, но и отображает знания и представления автора об устройстве мира. Репрезентация категорий времени и пространства в тексте неизбежно бывает связана с воплощением авторской интенции.

Художественное время опирается на определенную систему языковых средств. Интерес для исследователя представляют не только видовременные формы глагола, транспозиционное употребление времен, но и лексические единицы с темпоральной семантикой, падежные формы со значением времени, хронологические пометы, имена исторических деятелей, мифологических героев, номинации исторических событий.

Категория времени – обязательная составляющая денотативного пространства текста. В романе Татьяны Толстой «Кысь» время является одним из основных структурных элементов композиции. Временной континуум в этом тексте выстроен с нарушением линейной последовательности, постоянной его составляющей являются ретроспекции и проспекции. Для читателя событийное время романа может быть условно определено как будущее. Автор устанавливает следующие хронологические пометы: прошло более двухсот лет после *Взрыва* (имеется в виду ядерный взрыв), все, что было до того – *старина*. Нет указания на дату *Взрыва*, можно предположить, что автор относит ее к 90-м годам XX века, к постперестроечному периоду: в тексте появляется имя *Жириновского*, одного из одиозных политиков того времени. На события, происходившие в течение двухсот лет, указывают не даты, а имя правителя (*Сергей Сергееч*), смена названия города (*Москва, Южные склады, Федор- Кузьмичск, Кудеяр-Кудеярычск*) и упоминания о законодательных актах (*еще каких-нибудь сорок лет назад запрещали частный излов мышей; больше троих запрещали собираться*). Отсутствие указаний на исторические общественные и культурные события, происходившие за эти двести лет, объясняется низким уровнем развития общества.

Герои (из *Прежних*), характеризуя его, пользуются понятиями временного характера – *каменный век, неолит*.

Город-государство, в котором живет главный герой романа Бенедикт, являет гротескное смешение элементов Древней Руси (времен феодальной раздробленности и монголо-татарского нашествия) и советского государства (разных периодов): у власти стоит *Набольший Мурза*, власть собирает *ясак*, в *Складские дни* населению выдают скудный паек, на *Октябрьский Выходной* люди выходят на площадь. Город изолирован, представления о других людях у его жителей весьма расплывчатые. На юге – *чеченцы*. Есть тропа на запад, но все возвращаются назад из-за тоски по дому (*Чего я там не видел? Нешто там лучше?*). На севере – дремучие леса, а в них хищная *Кысь*. Только на востоке (*восходе*) можно чувствовать себя в безопасности (*Там леса светлые, травы долгие, муравчатые...*). Таким образом, мир этого государства – модель замкнутого «русского мира», о котором Т. Толстая высказалась так: «...можно задохнуться от клаустрофобии, бессмысленно, впустую растратив все порывы и дарования, доставшиеся тебе от природы» [4, с.412].

Время в таком мире Т. Толстая характеризует как мифологическое, застывшее, не имеющее протяженности и направленности», соответственно, поэтому в романе оказывается возможным сосуществование реалий разных эпох – от изобретения коромысла до указа о праздновании Международного Женского Дня. Успешное натуральное хозяйство, полностью зависящее от природных явлений, – здесь единственный залог выживания, поэтому народ строит свою жизнь в соответствии с сезонными циклами и счет времени главный герой ведет также преимущественно по временам года. Можно говорить о том, что текстовое время романа ближе к циклическому, чем к линейному.

Взрыв – основная временная помета в жизни *Прежних* людей, уцелевших, не мутировавших и получивших после катастрофы фантастическую способность не умирать от старости. В мире до *Взрыва* жили и *перерожденцы*, но они превратились в подобие домашней скотины. Обозначение *Прежние* выделяет этих героев из общей массы заложенной в нем темпоральной антитезой. На ключевой характер этого обозначения указывает и его постоянное написание с большой буквы. Автор не идеализирует *Прежних*, но именно они противопоставлены перерожденцам. *Прежние* – это по большей части представители интеллигенции, а перерожденцы, как правило, и до катастрофы были лишены духовных устремлений.

Жизнь до *Взрыва* представители *Прежних* – бывший музейный работник, а ныне *Главный Источник* Никита Иваныч и бывший диссидент Лев Львович называют *Светлое Прошлое*. Хронологические пометы этого периода весьма разнообразны. Это могут быть слова пространственной семантики, например, московские топонимы (*Никитские ворота, Кузнецкий мост*), метонимии пространственного характера (*Запад*). Отнесенность к прошлому имеют и понятия, связанные с культурой, отметим, что в тексте они выделены графически и даны в искаженном виде, так, как их воспринимает главный герой, рожденный уже в новое время (ШАДЕВРЫ, МОЗЕЙ, ДАВИД, РИНИСАНС, ТРОДИЦЯ, ЭНТЕЛЕГЕНЦЯ, ОНЕВЕРСЕТЕЦКОЕ АБРАЗАВАНИЕ, МАРАЛЬ, ФЕЛОСОФИЯ). Таким образом автор подчеркивает их инородность в изображаемой действительности, как и инородность самих *прежних*. Оформленные подобным образом названия бытовых предметов и реалий (МЕТ, МОГОЗИН, ОСФАЛБГ) также становятся хронологическими пометами.

Признаками связи героев с прошлой жизнью, с утраченной цивилизацией являются награды, платежные документы, инструкции к любым бытовым приборам (от микроволновой печи до примуса) – перечисление их мы видим в сцене похорон. Никита Иваныч называет эти бумаги «духовным завещанием», «духовным наследием». Отметим, что в воспоминаниях *прежних* бытовая сторона жизни занимает не столь значительное место, гораздо сильнее переживается отсутствие свободы и культуры.

Упоминание о той или иной реалии прошлого может стать средством характеристики героя. Интересен диалог Никиты Иваныча и Льва Львовича, в котором бывший диссидент отстаивает приоритет Запада.

- *Кофе, мощные дороги. Вспомните, Никита Иваныч... Рубашки с запонками.*

Конференции...

- *Конфронтации...*

- *Гуманитарный рис шлифованный...*

- *Порновидео...*

- *Джинсы...*

- *Террористы...*

- *Обязательно. Жалобы в ООН. Политические голодовки. Международный суд в Гааге.*

- *Гааги нету* [5, с.234].

Здесь мы видим, как перечисление ярких примет перестроечной эпохи позволяет выявить авторскую позицию. Для диссидента более важным оказывается комфорт, гуманитарная помощь, демонстрация своей позиции для него не столько средство борьбы, сколько самоцель, поэтому он оказывается морально слабее своего оппонента, считающего более важным духовное возрождение человека. Спор «западников» и «славянофилов» в романе не получает разрешения, однако герои забывают о разногласиях и объединяются против перерожденца Тетери, бывшего шофера Терентия Петровича Головатых. Детали прошлого, появляющиеся в его воспоминаниях, имеют ярко выраженный бытовой характер: *сервант был зеркальный... стенка югославская... полы польским лаком покрыты... холодильник двухкамерный, пиво баночное... Паюсную ели, зернистую запахло держали... Иваси с лучком... Чай со слоном...* [5, с.178]. Совокупность этих деталей позволяет нам сделать выводы, что воспоминания Тетери относятся к периоду 70-80-х годов XX века, когда все перечисленное было дефицитом, а наличие подобных благ у обычного шофера свидетельствовало о каких-либо махинациях. Грубо бытовое представление у Тетери и об обряде похорон. Как и у *Прежних*, оно отличается от новых обычаев, которые суть возврат во времена язычества (*надо потрошить, коленки подгибать, руки с ногами связывать, фигурки глиняные летить, в могилу класть*). Однако если *Прежние* пытаются выдержать старые традиции, устраивают гражданскую панихиду, на которой, правда, сбиваются иногда на советский, официальный лад, пытаются иногда соблюсти требования религиозного характера, то Тетеря видит центром похорон поминки: *Вот так пущай лежит, а ты, значит, народ созывай, тирогов, блинов, всего напеки, и главное, чтоб выпивки... Винегрету главное, виногрету побольше* [5, с.257]. В романе есть и другие персонажи, в речь которых автор вводит обилие слов, имеющих отношение к еде. Это прежде всего семья Кудеяра Кудеярыча – Главного Санитара, роль которого может быть уподоблена роли руководителя КГБ. Единственная тема для семейных бесед – еда (*шарлот, маседуан с репой, суфле с орехов* и т.п.). Именно

Терентий, а не склонный к рефлексии Бенедикт впоследствии органично вписывается в эту семью, несмотря на существующую сословную разницу. Перечисление названий блюд, неизвестных современному читателю, мы видим и в речи Набольшего Мурзы Федора Кузьмича (*пти фри а ля мод на ореховой кулисе, шинель-клопс, блинчатый, с волованчиками*). Отметим, что в речи простых людей подобные названия не употребляются. Возврат в речь привилегированных слоев архаичных кулинарных названий, исчезнувших после революции и являющихся своего рода хронологической пометой XIX века, – свидетельство регресса общества.

Абсолютное отсутствие моральных ценностей, националистические убеждения делают этот персонаж остросатирическим. В его сознании есть четкое представление об образе врага – это интеллигенция и евреи, их он винит во всех бедах. В обвинениях, которые он адресуется своим оппонентам, явно ощущается влияние советской пропаганды периода застоя, а также коммунистических и националистических пропагандистских изданий конца 80-х – начала 90-х гг.: *Кто все мясо съел? Эштитейн!... А ты сговорился Курилы Рейгану продать!...Бензином вас всех...и стичку!...и пппппарламент ваш, и книжки, и академика Сахарова!... Космополит!* [5, с.241]. Перерожденец Тетеря прекрасно приспосабливается к любой власти, он отмечает не столько смену идеологии, сколько наличие или отсутствие твердых гарантий своей сытости. Поэтому у него иногда контаминируются подробности жизни до и после *Взрыва*: *При Сергеечке порядок был! Терема отстроили! Заборы! Никогда выдачу со склада не задерживали! Пайки на праздники, у меня паек пятой категории был, и открытка от месткома!..* [5, с.240]. Отметим, что слова *порядок, отстроили* – это слова-символы, которыми чаще всего пользуются, чтобы оправдать сталинский режим. Таким образом, помимо бездуховности, примитивности мышления, Тетеря опасен и своим умением угодить власти, расчистить для себя теплое место у кормушки. В романе перерожденцу удается вытеснить Бенедикта из семьи, удалить его от власти, вместе с новым тираном он собирается окончательно уничтожить интеллигенцию (сжечь Никиту Иваныча) и культуру (вырезанный Бенедиктом памятник Пушкину).

Общество, сложившееся после взрыва, хотя и является по форме правления феодальным, имеет множество нитей, связывающих его с периодом советской власти. Так, карательный орган – Санитары – передвигаются по городу на Красных Санях, главный герой называет их *красная конница* – здесь явная проекция на период военного коммунизма и гражданской войны. Набольший Мурза титулет себя *Секлетарь и Академик и Герой и Мореплаватель и Плотник* – здесь мы видим соотнесенность с периодом брежневского правления (осложняющуюся реминисценцией с образом Петра Первого). Малый мурза – надсмотрщик Шакал Демьяныч – называет себя *Ветераном Ледового Побоища*: здесь уже соотнесенность устанавливается с периодом феодальной раздробленности, поэтому авторская ирония ощущается особенно остро. Так как реальное историческое событие от времени действия в романе отделяет более восьми столетий, можно предположить, что было еще какое-то Ледовое Побоище, таким образом подчеркивается возможность повторения, цикличность в развитии русской истории. Об этом же свидетельствует и обозначение праздничных дней. Новые правители опираются на старые даты, устанавливая выходные дни. Сохраняется Майский Выходной, ноябрьская демонстрация по-старому называется Октябрьским Выходным, вводится Женский День 8 марта, причем с сопутствовавшими этому празднику в советское время шаблонами. В указе предписывается использовать при

поздравления *«Желаю... счастья в жизни, успехов в работе, мирного неба над головой»* [5, с.118]. Ирония автора по отношению к этой дате проявляется в подчеркнуто официальном характере всего мероприятия – герой заучивает предписанный текст поздравления наизусть, а окружающие строго следят за соблюдением всех формальностей. В данном случае мы вновь видим неприятие автором всего, что связано с реалиями советской действительности, в ее статье «Женский день» мы находим такие слова: «У нас дома восьмое марта презирали: считали государственным праздником. Государственное – значит принудительно-фальшивое...». Выразителем авторской позиции в данном случае является Никита Иваныч: «...старик даже передернулся, обернулся, шлопул оземь».

Живучесть советских традиций даже после катастрофы наводит на размышление о том, что они не чужды определенной части народа. Можно говорить и о том, что в антитезе *«Прежние и перерожденцы, Прежние и новые люди»* Т. Толстая воплощает проблему народа и интеллигенции как явление вневременное, как противостояние «тяжелых» и «легких» русских: «... есть и немало живых, веселых, любопытствующих и бескорыстных, ловких, доброжелательно деятельных... Это легкие русские, в отличие от русских тяжелых» [4, с.411]. «Тяжелые» русские хорошо уживаются с любой тоталитарной властью, поэтому реликты советского периода оказываются в мире романа «Кысь» жизнеспособными, не удивляя никого. Абсурдность соединения неолита, феодализма и советского строя – один из способов выражения авторской позиции в романе.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М., 2003.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
3. Сорокин Ю.А. Текст и его пространство // Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997.
4. Толстая Т. День. – М., 2005.
5. Толстая Т. Кысь. – М., 2005.

Поступила в редакцию 10.03.2006 г.